

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Мочалов А.Н. Территория, этничность и феномен «многонациональных» государств // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2017. Т. 17, вып. 4. С. 33–52.

УДК 342.1

DOI 10.17506/ryipl.2016.17.4.3352

ТЕРРИТОРИЯ, ЭТНИЧНОСТЬ И ФЕНОМЕН МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ¹

Артур Николаевич Мочалов

кандидат юридических наук,

доцент кафедры конституционного права

Уральского государственного юридического университета,

Россия, г. Екатеринбург.

E-mail: artur.mochalov@usla.ru

Материал поступил в редколлегию 10.07.2017 г.

В статье рассматриваются проблемные вопросы отражения этнического фактора в организации территории государства, анализируются современные подходы к пониманию природы этничности, этнических общностей, а также их коллективной правосубъектности; исследуется связь между этническими общностями и территорией. Придерживаясь конструктивистских взглядов на этничность и понимая ее как результат индивидуального выбора каждого человека, автор тем не менее считает допустимым использование категории «этническая группа» для анализа процессов, связанных с политико-территориальным устройством государства.

В статье аргументируется тезис о том, что феномен многонационального государства, к атрибутам которого относятся этнический федерализм и национально-территориальная автономия, не есть порождение «советского» понимания «национального вопроса»; он отражает глобальные тенденции, начавшиеся с появлением

¹ Статья написана в рамках исследования, выполняемого за счет средств гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук МК-8057.2016.6.

государств-наций. Утверждается, что логика национализма, сопровождавшего формирование европейских наций, в ряде государств была спроецирована на этнические меньшинства, которые в результате стали рассматриваться как «внутренние нации». Предоставляемая этническим регионам территориальная автономия при этом воспроизводит основные черты государства-нации в качестве его «облегченной» версии.

По мнению автора, этнический федерализм и национально-территориальные автономии возникали в тех государствах, где существовал внутренний этнонационализм и были сильны позиции региональных этнических элит. Учет этнического фактора в государственном устройстве чаще всего носит вынужденный характер и является результатом компромисса, достигнутого между этническими элитами и политическим руководством страны. В странах, правительства которых либо не сталкивались с региональным этнонационализмом, либо обладали достаточными ресурсами для его подавления (например, путем принудительной ассимиляции), выбиралась модель мононационального государства, не предполагавшая каких-либо уступок в виде территориального обособления этнических общностей или специального статуса занимаемых ими регионов. Однако даже в таких государствах сегодня возможен ренессанс этнонационализма.

Ключевые слова: этничность, этническая общность, государственная территория, государственное устройство, нация, многонациональное государство, этнотерриториальная фрагментация, федерализм, территориальная автономия, национальные меньшинства.

В современном мире, пожалуй, не существует государств, которые можно было бы назвать моноэтническими. У. Коннор отмечает, что население лишь приблизительно 9% от общего количества стран является относительно гомогенным в этническом отношении. Остальные же государства характеризуются этническим многообразием [Connor 1994: 29].

Среди них, в свою очередь, выделяется категория государств, в которых так называемый этнический фактор положен в основу территориального устройства. Образованные по этническому или языковому признаку политико-территориальные единицы (национально-территориальные автономии, субъекты федерации) можно обнаружить не только в России, но также в Бельгии, Дании, Испании, Италии, Индии, Канаде, Португалии, Швейцарии, Эфиопии и ряде других стран. Сравнительные исследования федерализма показывают, что федераций, в структуре которых присутствуют «этнические» или «языковые» субъекты, больше, чем федераций, построенных исключительно по территориальному признаку [McGarry, O'Leary 2007: 183]. В зарубежной литературе последних лет для обозначения данного типа государств часто используется термин «многонациональное (мультинациональное) государство» (*multinational state*), а также «многонациональный федерализм» (*multinational federalism*). В научный обиход данные термины вошли главным образом благодаря работам по сравнительной политологии Р. Уоттса, У. Кимлики, К. Уизра и М. Берджесса. В отличие от «просто» политэтнического многонационального государства определяется Р. Уоттсом как государство, в котором этнические группы, «требующие большего признания их этнической идентичности, имеют в качестве первоначальной цели

не стать отдельным самоуправляемым сообществом, но изменить законодательство и институты государства таким образом, чтобы обеспечить себе лучшие условия (*accommodation*) для поддержания культурных различий» [Watts 2007: 227]. Формой такой *аккомодации* культурных различий в конечном счете может выступать именно самоуправление, предоставляемое региону, в котором преимущественно проживают представители соответствующей этнической группы. На конституционном уровне институционализация регионального самоуправления оформляется путем закрепления за соответствующим регионом прав автономии с передачей определенной законодательной компетенции (административная автономия, допускающая передачу региону только исполнительно-распорядительной, но не законодательной компетенции, встречается значительно реже и многими западными учеными не рассматривается как автономия), а в федеративных государствах – также путем наделения этнических регионов статусом субъектов федерации.

Попытки ряда российских политологов и этнологов (В.С. Малахов, А.Г. Осипов, В.Р. Филиппов и др.) объяснить феномены многонационального государства и этнического федерализма исключительно в терминах влияния так называемой советской теории этноса и инерции «сталинского» понимания нации и «национального вопроса», приведших к «эссенциализации этноса», кажутся вполне аргументированными в *российском* контексте, но выглядят неубедительно в контексте *сравнительном*: наличие у некоторых этнических общностей собственных регионов мы можем обнаружить и в тех государствах, которые не испытали на себе влияния советского подхода к решению «национального вопроса».

Для осмысления влияния этнической структуры населения страны на выбор конкретной формы государственного устройства, закрепляемой на конституционном уровне, и объяснения того, почему ряд этнических групп имеет «свои» регионы, представляется необходимым сделать две вещи. Во-первых, следует проанализировать само понятие «этническая общность» (или «этническая группа») в том значении, в каком оно используется в конституциях многонациональных государств. Во-вторых, требуется обозначить связь между этническими группами и территорией. Это дает возможность сформулировать несколько утверждений, которые, по нашему мнению, проливают свет на природу многонациональных государств, позволяя объяснить этот феномен в более широком контексте.

Этничность, понимаемая в обществе модерна и постмодерна как результат индивидуального выбора каждого человека, в предельно широкой интерпретации сводится к «индивидуальному соотношению личности с культурно-отличительной общностью» [Тишков 2003: 98]. Этническая группа при этом может быть рассмотрена, во-первых, как «статистическая совокупность» всех индивидов, ассоциирующих себя с ней, и, во-вторых, как существующее в представлении людей «воображаемое сообщество» [Андерсон 2016], представители которого обладают некоторым набором культурных характеристик (реальных или приписываемых), позволяющих идентифицировать друг друга и служащих маркерами, дающими возможность дифференцировать себя от иных сообществ.

Некоторыми российскими учеными в связи с этим ставится под сомнение допустимость приписывания этническим группам, являющимся не более чем мысленными конструктами, каких-либо объективных характеристик и свойств коллективных субъектов права [Мартьянов 2006: 97; Осипов 2008].

Из этих посылок часто выводится утверждение о бесосновательности этнического федерализма, как и в целом любых форм национально-территориальной автономии [Филиппов 2003]. В юридической литературе тем не менее правосубъектность этнических групп (независимо от используемого для их обозначения названия – «этноты», «этнические общности», «национальности», «меньшинства» и т.д.) обычно не подвергается сомнению. Более того, академик Т.Я. Хабриева, например, говорит о «праве этносов на самоопределение», понимая самоопределение в довольно широком смысле как «свободный выбор каждым народом форм своего существования и тех социально-экономических, политических, административных, иных организационных форм, в которых это право реализуется» и акцентируя внимание на том, что самоопределение не сводится только к отделению от государства [Хабриева 2010]. Именно коллективная правосубъектность этнических групп часто служит основанием конституционно-правовой легитимации национальных субъектов федерации и автономных регионов. Критики такого подхода находят разные объяснения «эссенциализации этносов», вплоть до весьма странных; утверждают, например, что российские ученые из смежных с этнологией областей знания (включая политологов и правоведов) «не знакомы с теми теоретическими интерпретациями этничности и этнических феноменов, которые давно стали доминирующими в западной науке и получили широкое распространение в постсоветской этнологии» [Филиппов 2003: 5]. Однако причины все же следует искать глубже.

Как заметил Б. Андерсон, любые сообщества «крупнее первобытных деревень» – воображаемые [Андерсон 2016: 48]. Но этнические общности тем не менее обладают некоторыми особыми свойствами. При всей подвижности, мифологизированности и в известной степени *мнимости* этноса он остается одной из ведущих форм групповой идентичности и в ряде случаев может занимать центральное место в конструируемой иерархии идентичностей индивидов [Мартьянов 2006]. В архаических обществах, где индивидуализм развит слабо, а образ мышления и поведения человека во многом задается коллективом и сложившимися в нем стереотипами, принадлежность к определенной культурной общности часто рассматривается людьми как обусловленная происхождением, а потому невыбираемая (отсюда – действенность мифа об общем происхождении, часто используемого в этнонационализме). В современном обществе, характеризующемся размыванием идентичностей и развенчиванием мифа о государстве-нации как универсальном и всеобъемлющем основании политической самоидентификации, индивид оказался в ситуации поиска относительно устойчивой общности, обладающей стабильной культурой. И здесь этнос (в отличие от других групп, принадлежность к которым действительно можно выбирать «в зависимости от возраста, ситуации, культурного контекста, настроения,

гражданства» [Мартьянов 2011: 61]) снова может предстать в глазах человека как нечто неизменное, то, принадлежность к чему невозможно отнять [Фадеечева 2003: 49] (точнее, человек, возможно, *хочет* обнаружить в этносе подобные свойства).

Такое, довольно распространенное, восприятие этничности обусловило ее активную эксплуатацию различными политическими силами. Политики, объявляющие себя «этническими лидерами» и «борцами за права (“угнетенного”) народа», нередко используют мобилизационный потенциал этничности для решения собственных узкогрупповых задач, прибегая к социальному мифотворчеству, апеллируя к коллективному и призывая людей выходить на улицы, голосовать на «референдумах о независимости» и даже брать в руки оружие во имя борьбы за «права своего народа». В результате, как заключает В.С. Мартьянов, этнос становится не просто одной из ведущих форм корпоративной идентичности, но и «эффективным конструктивистским мифом», предназначенным для достижения политических целей [Мартьянов, 2006: 96]. Для индивидов же осознание принадлежности к определенной этнической общности выступает средством социализации, солидаризации, включения в политические процессы.

Консолидация на основе этнической или языковой идентификации приводит к возникновению «массового субъекта», способного обуславливать коллективные действия [Панкевич 2012]. От имени этнических групп выдвигаются требования и юридические притязания по следующим позициям: язык, территория, участие во власти, распределение ресурсов и т.д. В результате не только члены этой группы, но и другие индивиды начинают рассматривать данную группу и ее интересы как часть реальности.

На протяжении последних десятилетий можно наблюдать достаточно много примеров «конструирования» этнических групп. Именно так в середине XX в. на северо-востоке Индии появился народ *нага*, прежде состоявший примерно из двух десятков изолированных друг от друга горных тибето-бирманских племен, говоривших на разных, неродственных, языках. Национализм был принесен сюда английскими проповедниками, христианизировавшими эти племена и обучившими их английскому языку, а также некоторыми представителями племен, получившими образование в Великобритании и ставшими впоследствии «этническими лидерами». В результате мифотворчества и пропаганды возникла новая надплеменная «национальная» идентичность; в построенное на ее основе движение за освобождение народа нага и создание независимого Нагалима была вовлечена большая часть племенных жителей, архаическая культура которых диктовала необходимость коллективной принадлежности. Движение сопровождалось (и продолжает сопровождаться) вооруженным насилием. На деле главная цель этнократической элиты нага – контроль над землей и природными ресурсами (особенно над имеющимися в данном регионе запасами нефти и газа). Частично они его получили в 1962 г., когда официальные власти Индии были вынуждены пойти на уступки сепаратистам и создать этнический штат Нагаленд, наделив его законодательный орган исключительным правом принимать законы по вопросам земли

и природных ресурсов на основе *обычного права нага* и фактически выведя данную территорию из сферы действия союзного законодательства. По такому же сценарию (но, возможно, с меньшим кровопролитием) проходило выстраивание национальной идентичности соседних с нага племен *мизо*.

Именно в качестве *консолидированных субъектов*, от имени которых могут формулироваться требования к власти, этнические группы проникли в правовое пространство, где не происходит создания новых политических акторов, но, скорее, фиксируется *status quo* уже существующих. В конституциях и законодательстве ряда стран наряду с таким коллективным субъектом, как народ (или нация), объединяющим в себе всех граждан государства, появляются «национальности» (Испания), «меньшинства» (Индия), языковые «сообщества» (Бельгия), этнические «общины» (Кипр), «народы» и «этнические общности» (Россия), «первые нации» (Канада) и т.д. В настоящее время правосубъектность отдельных этнических групп (главным образом, коренных народов) признается во многих международно-правовых документах. Можно констатировать, что юридическая институционализация этнических групп, таким образом, – явление, характерное не только для советского и постсоветского права.

Признание правосубъектности за «воображаемыми» коллективными сущностями не является для права (по определению представляющего собой систему мысленных конструкций) чем-то новым или необычным. Подобно этническим группам, коллективной правосубъектностью обладают и другие общности, за которыми признается наличие консолидированного интереса, например политико-территориальные единицы государства, местные сообщества и т.д. Гражданскому праву хорошо известен такой консолидированный субъект, как юридическое лицо (правосубъектность юридических лиц и других организаций объясняется несколько иной логикой, однако это не отменяет «воображаемого» характера данных субъектов). Наконец, собственно *народ*, объявленный носителем и первоисточником государственного суверенитета, а равно *нация* (в значении «государство») – это тоже мысленные конструкты. Крайне любопытно, что среди российских последователей конструктивизма, категорически возражающих против «эссенциализации» этносов и признания за ними коллективных прав, правосубъектность наций и государств – таких же «воображаемых сообществ» – принципиальных возражений не вызывает; они апеллируют к ней как к данности.

Р. Брубейкер, один из наиболее последовательных критиков этнического «группизма», пишет о том, что этнические общности как социальные группы отнюдь не лишены оснований: они берут истоки в категориальной природе мышления человека, обуславливающей необходимость классификаций, отнесения предметов, явлений и людей к тем или иным категориям. Еще в детстве у человека формируются знания о том, как причастность к той или иной этнонациональной категории может выражаться в разных сферах жизни. Этнические категории формируют и институциональное, и неформальное познание и узнавание, структурируют восприятие и направляют поведение [Брубейкер 2012: 56-58]. Конечно, отмечает Брубейкер, мысли-

тельная категория еще не есть группа. Однако подобная классификационная логика «натурализует социальное различие путем разделения социального мира на якобы глубоко укорененные группы», в связи с чем «люди интерпретируют социальный опыт в расовых, этнических и национальных терминах». Такое знание, указывает Брубейкер, является «общеразделяемым знанием о социальных объектах» [Брубейкер 2012: 162, 166–167]. По этой причине «реальность этничности и национальности... не зависит от существования этнических групп или наций как субстанциональных групп или сущностей» [Брубейкер 2012: 30]. Академик В.А. Тишков в одной из недавних публикаций [Тишков 2016: 5] также акцентировал внимание на том, что высказываемая им критика использования понятия «этнос» в качестве аналитической категории не означает отрицания существования самих этнических общностей.

Таким образом, даже с учетом того что этнические общности – не форма существования общества, а, скорее, способ восприятия существующих в нем культурных различий, вполне допустимо объяснение определенных социальных процессов, в основе которых лежит коллективное действие политических акторов, в терминах внутригруппового и межгруппового взаимодействия. В западной политической науке довольно сильна исследовательская традиция, где в качестве единицы анализа принимается именно группа (этническая, языковая, религиозная, политическая и т.д.), или, равнозначно, сегмент. Приверженцы этой традиции, отвечая на критику со стороны либеральных конструктивистов, обычно апеллируют к тому, что существование в обществе относительно устойчивых групп всегда может быть определено эмпирическим путем, в связи с чем свое видение социального пространства они считают в большей степени приближенным к реальности, нежели аналитические построения, пренебрегающие групповой сегментацией общества [McGarry, O'Leary, Simeon 2008: 53].

Изменение отдельными индивидами в течение жизни своей этнической принадлежности («дрейф идентичности»), приводимое иногда как едва ли не главное доказательство невозможности юридической идентификации этнических групп [Осипов 2008], с точки зрения рассматриваемого подхода не способно оказать заметного влияния на сам факт существования этнических общностей, многие из которых воспроизводятся в воображении людей на протяжении нескольких поколений и существуют постольку, поскольку принадлежность к ним в каждый момент времени осознается *достаточным* числом индивидов. Принятие такой посылки позволяет рассматривать этнические (как и любые другие) группы как относительно устойчивые образования. При этом, разумеется, не происходит примордиализации этнических групп: сегментация общества обусловлена выбором индивидов.

Представление общества как фрагментированного на сегменты позволило политологам сформулировать концепцию разделенного общества (*divided society*). В таком обществе межгрупповые различия являются достаточно выраженными и не просто носят культурный характер, но также служат маркерами для политической мобилизации [Choudhry 2008: 5].

Изучение процессов социального взаимодействия в разделенных обществах, начало которому было положено, в частности, влиятельными работами А. Лейпхарта [Lijphart 1969; 1979] и Д. Горовица [Hogowitz 1985], оказалось значительно более продуктивным в плане объяснения феноменов многонационального государства и этнического федерализма, нежели простые декларации о мнимости этнических групп, способные завести в тупик любого исследователя, интересующегося вопросами территориальной организации государства. Федерализм, понимаемый в духе У. Райкера как результат политической сделки между элитами, выступающими от имени территориально обособленных сообществ [Riker 1964: 12-15], или как своеобразный «пакт элит» [Мартьянов 2010; Панкевич 2008], приобретает вполне выраженные «этнические» черты в ситуации, когда территориально обособленное сообщество (точнее, значительная часть его представителей) осознает наличие у него выраженных отличительных культурных, языковых или религиозных черт и эти черты служат, во-первых, основаниями формулирования этнорегиональными элитами политических притязаний данного сообщества и, во-вторых, маркерами политической мобилизации членов этого сообщества, обуславливающей коллективные действия и приводящей к юридическому признанию у данной общности консолидированного интереса. Данная логика применима не только к государствам, являющимся федерациями в соответствии с их конституциями, но также и к унитарным государствам, в которых отдельные инструменты федерализма используются для территориального распределения государственной власти (так называемые *power-sharing*) между центральными правительствами и органами власти «этнических» автономий.

Отношение этнических групп к территории является, таким образом, немаловажным моментом в объяснении феномена многонациональных государств. Среди современных российских авторов распространен тезис об условности связи этничности и территории [Малахов 2006: 147]. Тем не менее значимость такой связи, как и ее возможных последствий в правовой реальности, не следует приуменьшать. Ландшафт и природные ресурсы оказывают определенное влияние на историческое развитие человеческих сообществ [Тишков 2003: 286]; соответствующее пространство при этом наполняется в воображении людей культурным смыслом [Murphy 1989: 412], то есть становится *осмысленным*. «При всей условности групповых образований, – заключает В.А. Тишков (подспудно признавая *реальность* коллективных действий), – именно группы, а не отдельные индивиды конструируют смысл занимаемого ими пространства... Осмысленное пространство... потому и существует, что есть людское сообщество, члены которого... считают себя принадлежащими данному пространству» [Тишков 2003: 296]. Смысл пространства обычно описывается в терминах «родина», «родной дом». Родина в большинстве случаев воспринимается как нечто «данное от природы», «невыбираемое»; то, что нельзя изменить [Андерсон 2016: 238].

Если какая-либо этническая общность связывается в представлении людей с определенным географическим пространством, которое наполняется этническим смыслом, возникает совпадение двух идентичностей –

этнической и территориальной, каждая из которых в определенном контексте может рассматриваться человеком как устойчивая и даже неизменная, а в совокупности могут образовывать сложную конгломератную этнотерриториальную идентичность. Такое совпадение выступает одной из предпосылок, которые «в наибольшей степени благоприятствуют возникновению межобщинных конфликтов и росту сепаратистских тенденций» [Подвинцев 2011: 224] (приведенный выше пример с народом нага – одна из иллюстраций данного тезиса. Вряд ли получилось бы объединить эти племена под лозунгом единой нации, если бы они не разделяли общее географическое пространство).

Именно в условиях *этнотерриториальной фрагментации* чаще всего возникает «утрированная этничность» (М.А. Фадеичева) и развивается региональный этнонационализм – идеология, формирующая представление об этнической общности не просто как о культурно отличном народе, но как о *нации*, то есть народе, обладающем собственными политическими традициями и институтами, а потому имеющем право на собственное национальное государство [Connor 1994]. При этом главным трендом регионального этнонационализма является «все более полное и жесткое разделение на “наших”, принадлежащих этнонации, и “чужих”, исключаемых из этой общности» [Фадеичева 2006: 130]. Даже если собственных политических традиций и институтов не существует, они могут быть сконструированы в воображении людей с помощью мифов о «тысячелетней истории государственности» и «многовековой борьбе против угнетения» и приправлены лозунгом «Это – наша земля!» [Гишков 2003: 353]. Так во многих государствах обозначилось явление, получившее в западной науке название «внутренних наций», «безгосударственных («субгосударственных») наций» (У. Кимлика) или «побочных наций» (У. Коннор). Сегодня перечень подобного рода «наций», воспроизводимый в ряде публикаций, насчитывает (в зависимости от выбранной методологии анализа и политических вкусов автора) от полусотни до нескольких сотен наименований. Т.Я. Хабриева отмечает, что современный период (начавшийся, по ее оценкам, с конца 1970-х гг.) характеризуется все учащающимися попытками доказать, что право на *свое* государство имеет каждый народ [Хабриева 2010: 42].

Политические притязания «внутренних наций» имеют различный характер и разную степень выраженности. Они могут быть манифестированы достаточно ярко (как, например, в Шотландии или Каталонии) либо носить латентный характер или даже быть «угасшими» (Швейцария). В одних случаях этнонационализму присущ этноцентризм, сопровождающийся нетерпимостью к представителям других этнических групп, в особенности к тем, кого принято считать «оккупантами» (Кашмир, Тибет, упоминавшийся выше Нагаленд); в других этнические (называющие себя национальными) лидеры используют риторику *гражданского национализма* и *политической нации*, выступая от лица не только представителей «титულიной» этнической группы, но всех, кто живет в соответствующем регионе (Квебек, Каталония, Шотландия, Уэльс, Южный Тироль); впрочем, их национализм также не лишен этнических оснований [Брубейкер 2012: 242–244].

Для понимания феномена многонациональных государств следует более внимательно рассмотреть этнонационализм как явление. Несложно заметить, что логика регионального этнонационализма, по сути, воспроизводит логику классического европейского национализма, сопровождавшего образование государств-наций. В обоих случаях присутствуют некоторая воображаемая культурная общность и определенное пространство ее распространения, символически связанное с нею. Нации возникали постольку, поскольку культурное сообщество мыслилось также сообществом пространственным. Разделяемые культурные представления и общее пространство – два компонента, которые лежат в основе классических наций. Сказанное справедливо даже в отношении тех наций, которые часто характеризуются в литературе как исключительно *политические* и обусловленные не какой-либо общей культурой, а приверженностью лишь общим политическим ценностям, – французской и американской. Во Франции всегда подчеркивалась важность языкового единообразия, а готовность усвоить французский язык (бывший в свое время языком меньшинства) считалась непременным условием для того, чтобы считаться французом [Хобсбаум 1998: 37]. Знаменитый американский «плавильный котел» формировался во многом на основе культуры «белых англо-саксонских протестантов» (*white anglo-saxon protestants, WASP*) [McGarry, O’Leary 2007: 186], непременным атрибутом которой является английский язык (даже законодательно не закрепленный в качестве официального). Французский язык во Франции и английский в США, очевидно, не просто носили инструментальный характер как средство общения между представителями различных культур (подобно английскому языку, используемому в современных Индии или ЮАР в качестве *lingua franca*), но прежде всего служили средством *аккультурации* всех, кто хотел (или был вынужден в силу проживания на соответствующей территории) становиться частью нации. С этой точки зрения американский и французский национализмы, как и большинство других национализмов, вполне могут быть снабжены приставкой «этно-» (если, конечно, этничность понимать предельно широко – так, как мы ее обозначили вначале для целей этой статьи) [Брубейкер 2012: 251-255]. Этнонационализм служил основой образования большинства современных государств [Паин 2003: 20-21].

Логика этнонационализма, сопровождавшая процессы возникновения государств-наций, была перенесена и на этнические меньшинства, складывавшиеся как «побочный продукт» формирования европейских наций. Территориально обособленные меньшинства появились в Европе в связи с тем, что границы распространения языков, послуживших культурной основой будущих наций, редко совпадали с внутренними и внешними границами империй, ставшими впоследствии государственными границами [Андерсон, 2016: 148]. «Большие» нации и территориально обособленные «внутренние» меньшинства уже тогда воспринимались как явления одного порядка [Осипов 2008: 160]. Следовательно, в том, что этнические общности мыслились и идентифицировались в тех же терминах национализма, что и «большие» нации, нет ничего удивительного. В представлении людей они воспроизводили одни и те же признаки, с тем лишь исключением, что

внутренние этнические общности не получили *своего* государства. Их национализм был в той же (и, будучи реакционным, даже в большей) степени этническим, что и национализм «больших» наций.

Впоследствии логика этнонационализма была заимствована этническими общностями, проживающими за пределами западного мира. Она была принесена сюда колонистами, а также представителями местных народов, получившими университетское образование в метрополиях. Но, произрастая на архаичной почве, азиатский и африканский этнонационализм часто приобретал значительно более жестокий и не всегда предсказуемый характер.

Контраргументом, призванным «остудить» региональный этнонационализм, часто выдвигался (и продолжает выдвигаться) тезис о том, что на соответствующие регионы уже распространяется в полном объеме государственный суверенитет тех или иных государств-наций, несовместимый с альтернативными территориальными притязаниями «внутренних наций». По этой причине этнические общности могут выступать не в качестве политических субъектов (такowymi являются государства-нации), но лишь в качестве субъектов культурно-исторических [Мартьянов 2006]. Данный подход воспроизводит известный в международном праве и широко применявшийся до середины XX в. принцип первенства, означающий, что государство, объявившее какую-либо территорию, не занятую другим государством, «приватизированной» и установившее на ней эффективное присутствие, распространяет на данную территорию свой суверенитет, не допускающий параллельных суверенитетов каких-либо других субъектов (этот принцип использовался, например, при колониальных завоеваниях и территориальных экспансиях). Социальное мифотворчество многих государств-наций строилось вокруг концепции *гражданской нации*, призванной объединять всех граждан страны на основе разделения общих политических ценностей безотносительно этнической принадлежности. Надо сказать, что в ряде случаев риторика гражданской нации, подкрепляемая ассимиляционистскими проектами и сопровождавшаяся успехами государств в выстраивании иерархий идентичностей, где центральное место занимала именно гражданская (государственная), а не этническая принадлежность, действительно способствовала социальному сплочению и ослаблению (но не искоренению) регионального этнонационализма (примером может служить Франция).

В ответ в социальном мифотворчестве регионального этнонационализма все чаще стала использоваться идеологема, объясняющая отсутствие у «внутренних наций» *собственных* государств как результат случайности и историческую несправедливость. В XX в. «внутренний» этнонационализм получил новую идеологическую подпитку в виде права народов на самоопределение – сперва в интерпретации Вудро Вильсона (источником вдохновения для этнических элит служила, в частности, автономия, предоставленная под эгидой Лиги Наций в 1921 г. Аландским островам), а затем в интерпретации В.И. Ленина (после победы Союза ССР во Второй мировой войне социальная организация данного государства, одной из основ которой

выступало право наций на самоопределение, рассматривалась многими полиэтническими государствами как образец для подражания). Признание права народов на самоопределение в документах ООН и СБСЕ/ОБСЕ (при весьма размытом и ситуативном толковании самого понятия «народ») явилось одним из условий широкого распространения этнонационализма по всему миру – настолько широкого, что он стал восприниматься как угроза территориальной целостности государств.

Итак, свойства нации, перенесенные в представлении людей на территориально обособленные этнические общности и ставшие *общеразделяемым* знанием, получали в ряде стран юридическую институционализацию. Поскольку нации являются коллективным субъектом права, то правосубъектностью, аналогичной (хотя и не тождественной) правосубъектности наций, наделялись и «внутренние нации» (независимо от того, каким термином они обозначались в конституции государства). Ответ на возрастающие притязания от имени региональных этнических общностей часто оказывался таким, как если бы они *действительно* были нациями. Регионам проживания «внутренних наций» все чаще предоставлялась *территориальная автономия*, гарантии которой закреплялись в конституциях (например, ст. 2 Конституции Испании, гарантирующая национальностям и районам их проживания право на автономию). Наметилась тенденция к дроблению государств: если в момент образования Европейского союза в его пределах существовало только 14 автономных регионов, то в настоящий момент их более 70 [Хабриева 2010: 198].

Сложно отрицать, что территориальная автономия – это своего рода «облегченная» версия государства-нации, воспроизводящая все его основные признаки: относительно однородное с культурной точки зрения население (не лишенное, однако, как и любое «нормальное» государство, собственных «внутренних» меньшинств), географическое пространство, символически связанное с данным населением и его культурой, и, наконец, сама автономия, выступающая *суррогатом суверенитета*. Предоставление территориальной автономии и территориальное распределение государственной власти (*power-sharing*) – это своеобразный компромисс: «внутренняя нация» получала *нечто*, похожее на *свое* национальное государство, но при этом оставалась под суверенитетом «материнского» государства. Это *нечто* могло приобретать разные формы – главным образом, автономного региона в составе унитарного государства (Каталония, страна Басков, Сицилия, Южный Тироль, Гренландия, Корсика) или национального субъекта федеративного государства (лингвистические субъекты федерации в Бельгии; Нагаленд, Мизорам и другие этнические и лингвистические штаты в Индии; союзные и автономные республики в Союзе ССР; республики в Российской Федерации и т.д.). Территориальная автономия воспроизводит давно известную «матрешечную» модель государства в государстве, существовавшую прежде в империях и примененную затем при построении федеративных государств (во многих федерациях название субъектов федерации – «штат», или *state*, есть не что иное, как государство). Надэтническая *гражданская нация* оказывалась при этом весьма удобной концепцией, по-

зволяющей объединять существующие в государстве «внутренние нации» под «зонтиком» общих политических ценностей, принципов и идеалов и сохранять таким образом внутреннее единство государства. Своеобразным образцом и источником вдохновения служили Швейцария и Канада, а также (в период с 1945 г. до конца 1980-х гг.) Советский Союз – федерации, в которых территориальная организация конституировалась в силу культурных различий населения регионов.

Несложно заметить и другое: территориальная автономия (в том числе автономия «этнических» субъектов федераций) чаще всего (за исключением единичных случаев) была именно вынужденной мерой, ответом на вызовы этнонационализма и этнорегионального сепаратизма – не только в Европе, но и в мире в целом. Там, где государство могло быть смоделировано как *мононациональное*, оно было *мононациональным*. В политологии данный феномен обозначается как *вынужденный регионализм*. Есть основания утверждать, что практически любой регионализм, в основе которого так или иначе лежит этнический (в широком смысле, включая языковой) фактор, является в той или иной степени вынужденным.

В связи с этим полагаем возможным сформулировать два утверждения. Во-первых, государство всегда складывается как национальное (или *мононациональное*) в том случае, когда оно не сталкивается с организованным внутренним этнонационализмом (даже при наличии признаков этнотерриториальной фрагментации). Именно это обстоятельство способствовало возникновению национальных федераций в США, Бразилии, Австралии и других иммигрантских обществах. Этническое многообразие здесь не отразилось на государственном устройстве, а отдельные попытки коренного населения противостоять экспансии подавлялись с использованием широкого арсенала инструментов – от принудительной ассимиляции до геноцида.

Во-вторых, при наличии внутреннего этнонационализма и территориальных притязаний, выдвигаемых от имени одной или нескольких этнотерриториальных общностей, выбранная форма государственного устройства (уже при создании государства, как это случилось в Канаде и Швейцарии, либо в дальнейшем) будет являться результатом «сделки» между политическими элитами, представляющими государство в целом и отдельные этнические общности. Государство может сложиться как *мононациональное*, если этнорегиональные элиты оказываются слабыми, не способными или не желающими мобилизовать этнический потенциал населения, а государство, в свою очередь, обладает достаточными ресурсами для установления и закрепления единообразных институтов на всей территории страны, охватывающих все ее население и позволяющих интегрировать региональные этнические общности в то, что принято называть «политической нацией» (такой подход используется, например, во Франции и Румынии). И напротив: если этнорегиональные элиты обладают довольно сильными позициями и пользуются широкой поддержкой среди населения региона, а государство является ослабленным (например, в результате кризиса, военных действий, внешнего вмешательства и т.д.), то чаще всего происходят уступки в пользу «этнических» регионов: за ними закрепляется

автономный статус, а этническое многообразие отражается в конституционно закрепленной форме государственного устройства. Как утверждает У. Сафран, только сильное государство может позволить себе решить – предоставлять региону территориальную автономию или нет. Слабые же государства чаще всего вынуждены делать уступки в пользу этнократических элит [Safran 2000].

Для иллюстрации данных утверждений приведем несколько примеров. По мере расширения США на запад осваивались обширные североамериканские территории, в течение длительного периода времени занимаемые индейскими племенами и рассматриваемые индейцами как *свои*. Однако племенам не была знакома идеология национализма; они не обладали институтами, способными мобилизовать собственную этничность и эффективно противостоять экспансии. Их вожди не были способны ни объединить племена на основе этничности, ни сформулировать политические притязания от имени своей группы. В результате США не встречали практически никакого сопротивления своей экспансионистской политике. У. Кимлика описывает это следующим образом: «Когда Соединенные Штаты покорили юго-запад в ходе войны с Мексикой в 1848 г., они... лишили коренных поселенцев их языковых прав и институтов, установили экзамены на грамотность, чтобы затруднить им голосование, и поощряли массовую миграцию в эту местность, чтобы испаноязычное население оказалось в меньшинстве» [Кимлика 2000: 251].

Иную картину мы наблюдаем в Индии. В 1956 г. здесь был введен лингвистический федерализм: все штаты образовывались по языковому признаку, чтобы в каждом из них доминирующим был один из языков. Лингвистический федерализм сам по себе был мерой во многом вынужденной, связанной не только с языковым многообразием регионов, но и с этнотерриториальным сепаратизмом тамиллов и некоторых других народов. Штат Пенджаб на севере Индии, однако, оказался двуязычным: в западной его части в основном был распространен региональный язык *панджаби*, а в восточной – хинди. Границы были так установлены намеренно: большинство панджабоязычного населения исповедуют сикхизм, и в случае создания монолингвистического панджабоязычного штата сикхи составили бы в нем подавляющее число жителей (в то время как в целом по стране 80 % населения – индуисты). Здесь сплелись воедино даже не две, а три идентичности: этнорегиональная (пенджабцы), языковая (носители языка *панджаби*) и религиозная (сикхи, при том что Пенджаб считается исторической родиной сикхизма и имеет для него особое символическое значение). Считалось, что такое положение может привести к политизации религии и усилить этноконфессиональный сепаратизм (в то время в этой части страны уже звучали лозунги в пользу создания сикхского государства Сикхистана (Халистана)). В двуязычном же Пенджабе, включавшем в себя также хиндиязычные районы, сикхи оказывались в меньшинстве. Как в то время полагали, это лишало их оснований рассматривать Пенджаб в качестве *сикхского* штата и должно было снизить уровень сепаратистских настроений [Яковлев 2014].

Однако то, что могли позволить себе сделать американцы в отношении индейцев в XIX в., оказалось в XX в. недоступным для политического руководства Индии, столкнувшегося с внутренним этнонационализмом. Вопреки ожиданиям, деполитизации религии не случилось, а конфликты между сикхским и индуистским населением только усилились. В результате после десяти лет противостояния, оборачивавшегося кровопролитиями, индийское правительство пошло на уступку: из Пенджаба были выделены хиндиязычный штат Харьяна и город Чандигарх [Chadda 2006]. Пенджаб же в итоге стал не только монолингвистическим штатом, но и штатом с доминирующим неиндуистским населением. Данное решение во многом было запоздавшим: конфликт к тому времени приобрел уже значительные масштабы к вынужденным мерам следует отнести и создание штата Нагаленд (как и других этнических штатов на северо-востоке). Примечательно, однако, что Конституция Индии (в отличие от Конституции Испании) формально не рассматривает этнические и лингвистические штаты как реализацию меньшинствами права на автономию или признание их государственности (хотя фактически здесь применена все та же логика «внутренних наций»).

Таким образом, этнический фактор в территориальном устройстве государства во многом оказался продуктом современной системы мироустройства, основной единицей которой являются государства-нации. Безусловно, в разных социально-исторических и политических контекстах этничность и ее связь с территорией могли получать различные интерпретации и наполняться разными смыслами. Однако совершенно ошибочно, говоря о России, видеть в ее нынешнем политико-территориальном устройстве результат *исключительно* советской национальной политики. Несмотря на наличие специфических черт и особенностей, позволяющих отграничивать федерализм советского типа от других многонациональных федерализмов (анализ этих черт не охватывается целями настоящей статьи), он может быть рассмотрен в более широком общемировом контексте и вписан в его логику.

В заключение позволим себе сформулировать еще одно утверждение. Если территория, на которой концентрированно проживает та или иная этническая общность, вследствие регионального этнонационализма получает автономный статус, обратный процесс ее «деэтнизации» маловероятен (по крайней мере, если речь не идет об использовании принудительной ассимиляции, форсированной миграции и других методов, несовместимых с представлениями о демократическом управлении и правах человека). По мере развития институтов демократии и формирования общегражданской идентичности этнотерриториальная фрагментация может сглаживаться (чаще всего в качестве классического и, пожалуй, единственного примера здесь приводится Швейцария), но не исчезает, и время от времени вероятно проявление новых всплесков этнонационализма, что мы и наблюдаем сегодня в мире (опросы и референдумы о независимости в Квебеке, Каталонии, Шотландии; сецессия Крыма и Южного Судана; рост протестных движений в Северной Ирландии, регионах Бельгии и Эфиопии и т.д.).

Многонациональные государства, таким образом, в большей степени подвержены риску регионального этнонационализма и этносепаратизма. Однако этнический федерализм и национально-территориальная автономия, способные выступить *условиями* и даже *катализаторами* этнонационализма, не могут рассматриваться в качестве его *причины*. Этнонационализм может возникнуть и в тех странах, которые сконструированы и длительное время существуют как *мононациональные*, но сохраняют при этом внутреннюю этнотерриториальную фрагментацию. Гарантиями сегодня уже не являются ни последовательное проведение в жизнь концепции *политической нации*, ни непризнание коллективных прав этнических общностей, ни сам отказ учитывать этнотерриториальную фрагментацию в государственном устройстве. Франции, не признающей существования внутри себя никаких этнических групп, а тем более их права на автономию, так и не удалось искоренить баскский, бретонский, прованский и особенно корсиканский региональный этнонационализм. Возможно, в скором времени мы услышим о «референдумах о независимости» Бретани во Франции или Трансильвании в Румынии.

Процессы глобализации, приведшие к ослаблению роли государств в формировании иерархии идентичностей и утрате ими монополии на выработку политической повестки, скорее всего, уже в обозримом будущем обернутся ростом этнонационализма и этнорегионального сепаратизма. Концепция государства-нации сегодня уже не воспринимается как универсальная форма политической организации общества и пространственной организации власти. Истории с референдумами о независимости в Квебеке, Шотландии и Каталонии получают, вероятно, не только продолжение, но и отголоски в других частях Европы и всего мира. Каким будет ответ государств – предсказать сложно. Не исключено, что некоторые *мононациональные* государства в перспективе будут вынуждены признать себя *многонациональными*, а *многонациональные* – распастись на ряд *мононациональных*. Однако во вновь образованных *мононациональных* государствах также заявят о себе внутренние меньшинства, и вопрос о признании их политического статуса неминуемо возникнет в политической повестке этих государств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Андерсон Б. 2016. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. : Кучково поле. 416 с.
- Брубейкер Р. 2012. Этничность без групп. М. : Издат. дом Высш. шк. экономики. 408 с.
- Кимлика У. 2000. Федерализм и сецессия: восток и запад // *Ab Imperio*. № 3-4. С. 245-318.
- Малахов В.С. 2006. Настоящее и будущее «национальной политики» в России // *Прогнозис: журнал о будущем*. № 3 (7). С. 144-159.
- Мартьянов В.С. 2006. Строительство политической нации и этнонационализм // *Логос*. № 2 (53). С. 94-109.
- Мартьянов В.С. 2010. Федерализм: политическое устройство или пакт элит? // *ПОЛИС : полит. исслед.* № 1. С. 173-184.

Мартьянов В.С. 2011. Риторика идентичности в условиях модерна: кому выгодно? // Социум и власть. № 4. С. 61-65.

Осипов А.Г. 2008. Эссенциалистские представления об этничности в системе преподавания правовых специальностей // Расизм в языке образования. СПб. : Алетейя. С. 140-169.

Паин Э.А. 2003. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М. : Фонд «Либерал. миссия». 164 с.

Панкевич Н.В. 2008. Модели федеративного устройства: закономерности политической трансформации. Екатеринбург : УрО РАН. 194 с.

Панкевич Н.В. 2012. Логика коллективных политических действий в условиях глобализации // Сибир. филос. журн. Т. 10, № 3. С. 114-119.

Подвинцев О.Б. 2011. Региональная идентичность в де-факто двунациональных субъектах РФ: конкурентный потенциал и попытки стимулирования // Идентичность как предмет политического анализа : сб. ст. по итогам науч.-практ. конф. (Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН, 21-22 окт. 2010 г.) / отв. ред. И.С. Семенов, Л.А. Фадеева. М. : ИМЭМО РАН. С. 224-231.

Тишков В.А. 2003. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М. : Наука. 544 с.

Тишков В.А. 2016. От этноса к этничности и после // Этнограф. обозрение. № 5. С. 5-22.

Фадеичева М.А. 2003. Homo quadratus в этнополитическом измерении // Вестн. Омск. гос. ун-та. № 5. С. 45-50.

Фадеичева М.А. 2006. Этнонационализм в политическом дискурсе российского постмодерна // ПОЛИТЭКС : полит. эксперт. Т. 2, № 2. С. 125-133.

Филиппов В.Р. 2003. Критика этнического федерализма. М. : Центр цивилизац. и регион. исслед. РАН, 379 с.

Хабриева Т.Я. 2010. Современные проблемы самоопределения этносов : сравнительно-правовое исслед. М. : Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве РФ. 288 с.

Хобсбаум Э. 1998. Нации и национализм после 1780 года. СПб. : Алетейя. 306 с.

Яковлев А.Ю. 2014. Эволюция религиозного терроризма в индийском штате Пенджаб // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. № 26. С. 144-148.

Chadda M. 2006. Minority Rights and Conflict Prevention: Case Study of Conflicts in Indian Jammu and Kashmir, Punjab and Nagaland [Электронный ресурс]. URL: <http://minorityrights.org/wp-content/uploads/old-site-downloads/download-82-Minority-Rights-and-Conflict-Prevention-Case-Study-of-Conflicts-in-Indian-Jammu-and-Kashmir-Punjab-and-Nagaland.pdf> (дата обращения: 19.06.2017).

Choudhry S. 2008. Bridging Comparative Politics and Comparative Constitutional Law: Constitutional Design in Divided Societies // Choudhry S. (ed.) Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation? New York : Oxford Univ. Press. P. 3-40.

Connor W. 1994. Ethnonationalism. The Quest for Understanding. Princeton : Princeton Univ. Press. 236 p.

Horowitz D. 1985. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley : Univ. of California Press. 707 p.

Lijphart A. 1969. Consociational Democracy // World Politics. Vol. 21, № 2. P. 207-225.

Lijphart A. 1979. Consociation and Federation: Conceptual and Empirical Links // Canadian J. of Political Science. № 3. P. 499-515.

McGarry J., O'Leary B. 2007. Federations and Managing Nations // Burgess M., Pinder J. (eds.) *Multinational Federations*. London ; New York : Routledge. P. 180-211.

McGarry J., O'Leary B., Simeon R. 2008. Integration or Accommodation? The Enduring Debate in Conflict Regulation // Choudhry S. (ed.) *Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation?* New York : Oxford Univ. Press. P. 41-88.

Murphy A.B. 1989. Territorial Policies in Multiethnic States // *Geographical Rev.* Vol. 79, № 4. P. 410-421.

Riker W. 1964. *Federalism: Origin, Operation, Significance*. Boston : Little, Brown & Co. 169 p.

Safran W. 2000. Spatial and Functional Dimensions of Autonomy: Cross-National and Theoretical Perspectives // *Identity and Territorial Autonomy in Plural Societies* / ed. by W. Safran and R. Maiz. London ; Portland : Frank Cass. P. 11-34.

Watts R. 2007. *Multinational Federations in Comparative Perspective* // Burgess M., Pinder J. (eds.) *Multinational Federations*. London ; New York : Routledge. P. 225-247.

A. Mochalov. Territoriya, etnichnost' i fenomen «mnogonatsional'nykh» gosudarstv [Territory, ethnicity, and phenomenon of multinational state], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 33-52. (in Russ.).

Artur N. Mochalov, Candidate of Law, Associate Professor,
Chair of Constitutional Law, Ural State Law University. Russia, Ekaterinburg.
E-mail: artur.mochalov@usla.ru

Article received 10.07.2017, accepted 18.08.2017, available online 01.11.2017

TERRITORY, ETHNICITY AND PHENOMENON OF MULTINATIONAL STATE

Abstract. The article discussed problematic issues concerning reflection on the ethnic factor in organization of territorial structure of a state. The author analyzes modern approaches of understanding ethnicity, ethnic groups, and their collective rights in constitutional law. In addition, the interrelation between ethnicity and territory is discussed. However, being an advocate of the constructivist paradigm, and considering ethnicity as a result of individual choice, the author recognizes possibility of using the term “ethnic group” as an analytical category in studying political processes relating to territorial structure of states.

It is argued that ethnic federalism and national-territorial autonomy is the result of global tendencies, which have started since emergence of nation-states, rather than a creature of so-called “Soviet” conception of the “national question”. The author states that the European logic of nationalism was transferred into ethnic minorities. Consequently, many minority groups are considered as “home nations”, or “internal nations”. Territorial autonomy of regions inhabited by “home nations” repeats the main features of nation-state, and represents its “light” version.

From the author’s view, ethnic federalism and national-territorial autonomy arose in the states with internal ethno-nationalism where regional ethnic elites had strong positions. Reflection of “ethnic factor” in territorial structure of a state is often a compelled compromise between ethnic elites and the government. In those states where there is

no internal ethno-nationalism or where the governments have sufficient resources for its elimination (by assimilation, for example) the model of “mono-national” state is usually applied. This model rejects any special status for territorially concentrated ethnic communities or ‘ethnic’ regions. However, today the rise of ethno-nationalism can occur even in ‘mono-national’ states.

Keywords: ethnicity; ethnic group; state territory; nation; territorial structure of state; multinational state; ethnic-territorial fractionalization; federalism; territorial autonomy; national minorities.

References

Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism], Moscow, Kuchkovo pole, 2016, 416 p. (in Russ.).

Brubaker R. *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without Groups], Moscow, Izdat. dom Vyssh. shk. ekonomiki, 2012, 408 p. (in Russ.).

Chadda M. *Minority Rights and Conflict Prevention: Case Study of Conflicts in Indian Jammu and Kashmir, Punjab and Nagaland*, 2006, available at: <http://minorityrights.org/wp-content/uploads/old-site-downloads/download-82-Minority-Rights-and-Conflict-Prevention-Case-Study-of-Conflicts-in-Indian-Jammu-and-Kashmir-Punjab-and-Nagaland.pdf> (accessed 19 June 2017).

Choudhry S. Bridging Comparative Politics and Comparative Constitutional Law: Constitutional Design in Divided Societies, *Choudhry S. (ed.) Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation?* New York, Oxford Univ. Press, 2008, pp. 3-40.

Connor W. *Ethnonationalism. The Quest for Understanding*, Princeton, Princeton Univ. Press, 1994, 236 p.

Fadeicheva M.A. *Etonatsionalizm v politicheskom diskurse rossiyskogo postmoderna* [Ethnonationalism in the Political Discourse in Post-Modernistic Russia], *POLITEKS : polit. ekspert.*, 2006, vol. 2, no. 2, pp. 125-133. (in Russ.).

Fadeicheva M.A. *Homo quadratus v etnopoliticheskom izmerenii* [Homo Quadratus in Ethnopolitical Dimension], *Vestn. Omsk. gos. un-ta*, 2003, no. 5, pp. 45-50. (in Russ.).

Filippov V.R. *Kritika etnicheskogo federalizma* [The Critics of Ethnic Federalism], Moscow, Tsentr tsivizats. i region. issled. RAN, 2003, 379 p. (in Russ.).

Hobsbawm E. *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda* [Nations and Nationalism Since 1780], St. Petersburg, Aleteyya, 1998, 306 p. (in Russ.).

Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict*, Berkeley, Univ. of California Press, 1985, 707 p.

Khabrieva T.Ya. *Sovremennye problemy samoopredeleniya etnosov : sravnitel'no-pravovoe issled.* [The Modern Problems of Self-Determination of Ethnic Groups], Moscow, In-t zakonodatel'stva i sravn. pravovedeniya pri Pravitel'stve RF, 2010, 288 p. (in Russ.).

Kymlicka W. *Federalizm i setsessiya: vostok i zapad* [Federalism and Secession: the East and the West], *Ab Imperio*, 2000, no. 3-4, pp. 245-318. (in Russ.).

Lijphart A. Consociation and Federation: Conceptual and Empirical Links, *Canadian J. of Political Science*, 1979, no. 3, pp. 499-515.

Lijphart A. Consociational Democracy, *World Politics*, 1969, vol. 21, no. 2, pp. 207-225.

Malakhov V.S. *Nastoyashchee i budushchee «natsional'noy politiki» v Rossii* [Modernity and Future in the ‘National Policy’ in Russia], *Prognosis: zhurnal o budushchem*, 2006, no. 3 (7), pp. 144-159. (in Russ.).

Martianov V.S. *Federalizm: politicheskoe ustroystvo ili pakt elit?* [Federalism: a Political Structure or a Covenant of Elites?], *POLIS : polit. issled.*, 2010, no. 1, pp. 173-184. (in Russ.).

Martiyonov V.S. *Ritorika identichnosti v usloviyakh moderna: komu vygodno?* [The Rhetoric of Identity in the Modernity Conditions: Who Benefits from It?], *Sotsium i vlast'*, 2011, no. 4, pp. 61-65. (in Russ.).

Martiyonov V.S. *Stroitel'stvo politicheskoy natsii i etnonatsionalizm* [Building of a Political Nation and Ethnonationalism], *Logos*, 2006, no. 2 (53), pp. 94-109. (in Russ.).

McGarry J., O'Leary B. Federations and Managing Nations, *Burgess M., Pinder J. (eds.) Multinational Federations*, London, New York, Routledge, 2007, pp. 180-211.

McGarry J., O'Leary B., Simeon R. Integration or Accommodation? The Enduring Debate in Conflict Regulation, *Choudhry S. (ed.) Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation?* New York, Oxford Univ. Press, 2008, pp. 41-88.

Murphy A.B. Territorial Policies in Multiethnic States, *Geographical Review*, 1989, vol. 79, no. 4, pp. 410-421.

Osipov A.G. *Essentsialistskie predstavleniya ob etnichnosti v sisteme prepodavaniya pravovykh spetsial'nostey* [Essentialist Imagination of Ethnicity in the System of Law Education], *Rasizm v yazyke obrazovaniya*, St. Petersburg, Aleteyya, 2008, pp. 140-169. (in Russ.).

Pain E.A. *Mezhdru imperiy i natsiy. Modernistskiy proekt i ego traditsionalistskaya al'ternativa v natsional'noy politike Rossii* [Between Empire and Nation: the Modernistic Project and Its Traditional Alternative in the National Policy of Russia], Moscow, Fond «Liberal. missiya», 2003, 164 p. (in Russ.).

Pankevich N.V. *Logika kollektivnykh politicheskikh deystviy v usloviyakh globalizatsii* [The Logic of Collective Action in the Conditions of Globalization], *Sibir. filos. zhurn.*, 2012, vol. 10, no. 3, pp. 114-119. (in Russ.).

Pankevich N.V. *Modeli federativnogo ustroystva: zakonomernosti politicheskoy transformatsii* [The Models of Federal Structure: the Logic of Political Transformation], Ekaterinburg, UrO RAN, 2008, 194 p. (in Russ.).

Podvintsev O.B. *Regional'naya identichnost' v de-fakto dvunatsional'nykh sub»ektakh RF: konkurentnyy potentsial i popytki stimulirovaniya* [Regional Identity in De-facto Double-Nationalities Subjects of the RF: the Competitive Potential and Attempts to Foster], *Semenenko I.S., Fadeeva L.A. (resp. eds.) Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza : sb. st. po itogam nauch.-prakt. konf. (In-t mirovoy ekonomiki i mezhdunar. otnosheniy RAN, 21-22 okt. 2010 g.)*, Moscow, IMEMO RAN, 2011, pp. 224-231. (in Russ.).

Riker W. *Federalism: Origin, Operation, Significance*, Boston, Little, Brown & Co, 1964, 169 p.

Safran W. Spatial and Functional Dimensions of Autonomy: Cross-National and Theoretical Perspectives, *Safran W., Maiz R. (eds.) Identity and Territorial Autonomy in Plural Societies*, London, Portland, Frank Cass, 2000, pp. 11-34.

Tishkov V.A. *Ot etnosa k etnichnosti i posle* [From Ethnis to Ethnicity and Beyond], *Etnograf. obozrenie*, 2016, no. 5, pp. 5-22. (in Russ.).

Tishkov V.A. *Rekvium po etnosu: issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii* [Requiem for Ethnos: Research on Social and Cultural Anthropology], Moscow, Nauka, 2003, 544 p. (in Russ.).

Watts R. Multinational Federations in Comparative Perspective, *Burgess M., Pinder J. (eds.) Multinational Federations*, London, New York, Routledge, 2007, pp. 225-247.

Yakovlev A.Yu. *Evolutsiya religioznogo terrorizma v indiyском shtate Pendzhab* [Evolution of Religious Terrorism in an Indian State of Punjab], *Sovremennye tendentsii v ekonomike i upravlenii: novyy vzglyad*, 2014, no. 26, pp. 144-148. (in Russ.).